

Б Е Р А
Калачкава

Две
Розы

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

Две Розы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Две Розы / В. А. Колочкова — «Эксмо», 2019 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-102136-8

Дочь Сонька у Розы Федоровны была неуправляемой, как извержение вулкана. Муж давно ушел из семьи, и теперь приходится со всем справляться одной. В довершение всех бед Соня забеременела от женатого мужчины и подкинула ребенка маме. Роза Федоровна назвала внучку в свою честь. И теперь уже две Розы, нежные и ранимые, пытаются выжить в этом непростом мире...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102136-8

© Колочкова В. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вера Колочкова

Две Розы

Часть I

Дочь Сонька у Розы Федоровны была, что называется, оторви да брось. Вольная, не поддающаяся воспитанию девица. К пятнадцати Сонькиным годкам стала она совсем неуправляемой, как тайфун или извержение вулкана.

Хотя на первый взгляд Сонька была вовсе на вулкан не похожа. Маленькая, худенькая, с прелестной лисьей мордочкой, с востренькими желтыми глазками, с копной светлых кудряшек, подсвеченных оттенками рыжины, словно золотом. Ангел, а не девчонка. Распахнет желтые крапчатые глазищи, хлопает длинными ресницами и с улыбкой выдает очередное вранье: «Я так сегодня в школе устала, мамочка... Представляешь, пять уроков было, и все такие трудные... А еще контрольная по физике была, и сочинение по «Евгению Онегину» писали... До сих пор голова болит, ага... Может, я в школу не пойду завтра? Отдохну лишний денек?»

Так складно врет и так верить хочется! Особенно когда ей в личико взглянешь... Ну как можно такому созданию не поверить? Особенно в те подробности не поверить, как и что она про Евгения Онегина писала. Тут тебе и тема лишнего человека, и веяние реализма, и противостояние бездуховного светского окружения народным традициям, в которых воспитывалась Татьяна... Складно так рассказывает, ни на минуту не остановится. И радуется материнское сердце Розы Федоровны – умная девчонка растет, язык подвешен, явные способности к гуманитарным наукам имеет. Надо будет учесть потом, чтобы с поступлением в нужный институт не прогадать...

А потом выясняется, что в тот день, когда сочинение писали, Соньки вообще в школе не было. Прогуляла. И перед этим два дня прогуляла.

А где и с кем гуляла – ни черта от нее не добьешься... Сидит и опять хлопает своими огромными желтыми глазищами да улыбается виновато. И видно ведь, что никакого раскаяния нет, а есть одна только насмешка – когда, мол, отстанешь от меня с воспитанием... И хоть криком кричи, хоть слезами горестными залейся – ничего Соньку не возьмет. И нет никакой гарантии, что назавтра опять школу не прогуляет, что не подхватит с утра ее подружка Маринка бродить по весенним улицам... И ладно бы вдвоем гуляли, ведь нет! Быстренько у этих «гуляльщиц» мальчишеская компания образовалась и научила всему плохому, чему учат мальчишки-хулиганы таких вот дурочек... А ты бегай, разыскивай ее в подворотнях! Нервничай! А утром, совсем без нервов, надо на работу идти, день-деньской глаза таращить, не выпавшись... И крутить в голове одну и ту же надоедливую мысль – за что ей такое наказание? У других дети как дети, а у нее с Сонькой – сплошная война без надежды на победу...

Роза Федоровна на этой почве даже с Маринкиной матерью подружилась, с такой же бедолагой Елизаветой Романовной. То есть поначалу она была Елизаветой Романовной, а потом стала просто Лизой. Тоже растила Маринку одна, без мужа. Тоже в свое время пережила тяжкий развод и такие же тяжкие годы адаптации после развода. И тоже втайне считала себя виноватой в том, что по этой причине упустила Маринку... Впрочем, эту болезненную тему Роза Федоровна в общении с Маринкиной матерью старалась не трогать. Потому что это была ее тема, сугубо личная и горестная. А женское горе, как известно, одинаковым не бывает, у каждой женщины оно горше других свою песню поет. Каждая считает, что уж ее-то предали по-особенному жестоко, не так, как других...

Иногда Розе Федоровне казалось, что она до сих пор плавает в той реке, у которой нет берегов, ни правого, ни левого. Уж семь лет после развода прошло, а она все плавает. И даже

на обычное плавание это состояние не похоже, а будто тело ее тащит по дну течение, бьет об острые камни... Вроде и умереть пора без воздуха – под водой же! – а не умирается никак. Двигается перед глазами жизнь, но в ней она не участвует, просто механически продолжает что-то делать. Ходить с работы и на работу, в магазин за продуктами, обед-ужин готовить, Соньку воспитывать... Может, Сонька оттого и бежит из дома, что у нее не мать, а пловчиха ни живая, ни мертвая...

Зато Роза Федоровна по минуткам, по секундам помнила тот день, когда от нее ушел Сонькин отец. Ушел так, будто они с Сонькой для него умерли. Уехал в другой город, ни разу и никак больше не проявился. Сама она его не искала – сил не было. Откуда они возьмутся, если тебя тащит по дну реки и бьет об острые камни и воздуху в тебе нет? Так и тянула Соньку одна. Это в материальном смысле – тянула. А в душевном да человеческом не вытянула, выходит. Упустила. Слишком глубоко нырнула под воду в тот проклятый день, когда муж объявил о своем решении. А может, не сама нырнула, может, это он ее под воду толкнул.

Да, что же было в тот день... А ничего такого и не было. День как день. Обыкновенный. Счастливый. С утра ничего не предвещало, даже погода была хорошая, ни жарко, ни холодно, в самый раз. Можно было прогуляться после работы, да она домой торопилась, нагруженная сумками с продуктами. И радовалась, что купила кусок отличной свежей баранины и сейчас навертит по-быстрому котлет. Муж так любит котлеты из свежей баранины... С тушеной капустой... А еще ему надо обязательно рассказать, что на работе у нее намечается сокращение и что она тоже под него скорее всего попадает... И что начальница злится по этому поводу – не знает, кого оставить, а кого уволить. И что ее можно понять... А если даже начальница ее решит под сокращение подвести, то это ведь не так и страшно, правда? Можно и дома посидеть на хозяйстве...

Она все рассказывала мужу, до самой последней мелочи, – так уж повелось с первого дня. Выворачивала всю себя до доньшка, ничего за душой не оставляла. Он и сам ее к этому приучил, и бывало, сердился даже, если подозревал, что образовались у нее некие свои душевные тайны. Поначалу, в первые годы замужней жизни, он даже с каким-то сладострастием копался в ее душе, вытаскивая на свет все, что можно вытащить. И мелкие детские обиды, и переживания по поводу смерти матери и новой женитьбы отца, и тайны первых робких влюбленностей... Так и получилось потом, со временем, что стала она для него полностью прочитанной книгой, от корки до корки. Ни одно слово, ни одна мысль ей самой не принадлежала. Казалось бы – что в этом плохого? Единение мыслей, единение душ, все в общий семейный костер... А только на самом деле никакого единения не было – она это потом поняла. Он в тот костер только ее душу бросал и грелся, вот этой ее отдачей и грелся, а сам ничего туда бросать не спешил. Одним словом, забрал ее всю, ничего своего не осталось. А ей нравилось, да! Отдавала свою душевную добровольно, еще и нравилось!

А он будто ждал, когда от нее самой ничего не останется. Когда ее душа будет ему только принадлежать. Ждал, чтобы выбрать момент и исчезнуть из ее жизни... А ее саму бросил, как ненужный хлам, больше ни на что непригодный!

Да, в тот вечер она успела-таки наvertеть да пожарить бараньи котлетки. Еще и радовалась, что дорогой муж на работе задерживается. Вдруг раньше придет, а ужин еще не готов? А когда пришел, долго не могла понять, о чем он таком говорит...

– Роза, я от тебя уйду. Собери мои вещи, я прямо сейчас уйду. Ты слышишь меня, Роза?

– Да, слышу... Тебе две котлетки положить или три? Я сделала с румяной корочкой, как ты любишь... Такая баранина попалась хорошая, просто наисвежайшая! Правда, я хотела свинины добавить в фарш, чтобы нежнее было, а потом подумала, что не надо...

– Роза! Ты слышишь меня или нет? Сядь, посмотри на меня! Ну же?

– Да, я слышу, слышу... Так две котлетки или три?

– Сядь! Сядь, я сказал! Отойди от плиты!

Наконец она услышала, как раздраженно и резко звучит его голос, и фраза «я от тебя уйду» наконец дошла до ее сознания. Особенно больно было где-то в левой части груди, и не хватало воздуха, и невозможно было ни одного слова произнести... Да и не надо было ничего произносить, потому что достаточно было глянуть любимому мужу в лицо... В его злые глаза... Ставшие в одночасье не просто злыми, а ненавидящими. Презирающими. Отторгающими. Даже какая-то брезгливость в них была, будто он больше ни минуты не мог находиться с ней рядом, дышать одним воздухом...

– Я ничего из дома не возьму, Роза, только свои личные вещи. Квартиру я оставляю тебе и дочери. Все. И не ищи меня, не надо. Так будет лучше. Ну, чего ты молчишь? Я надеюсь, ты меня поняла наконец?

Она странно повела головой – то ли кивнула, то ли хотела показать: нет, мол, совсем ничего не поняла... Ну почему, почему она ничего не понимает? Всегда ведь его понимала с полуслова, с полувзгляда...

– Ты хочешь у меня что-то спросить, да, Роза? – напряженно сказал любимый муж. – Ты хочешь спросить, буду ли я поддерживать отношения с дочерью, правильно?

На сей раз она кивнула. Будто согласилась с ним – да, именно это я и хочу спросить. Хотя ничего такого спрашивать и не думала. То есть вообще никаких вопросов задавать не собиралась. Какие такие вопросы, если ни жить, ни дышать от страха не можешь...

– Так вот что я хочу сказать насчет нашей дочери, Роза... Вряд ли я смогу поддерживать с ней полноценные отношения. Дело в том, что я уезжаю жить в другой город... Это очень, очень далеко отсюда... Ты для нее придумай что-нибудь соответствующее потом. Ну, чтобы психику не травмировать. Детская память как пластилин, что вылепишь из нее, то и получишь... Нет, я не говорю, что совсем отказываюсь помогать... Буду помогать, конечно. Как смогу. А когда Соня вырастет, пусть сама решит, будет поддерживать отношения с отцом или нет. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать... Я иду собирать вещи, Роза. Ты поняла, надеюсь, что на квартиру я не претендую?

Роза удивилась его словам, сказанным не без гордости – вот, мол, какой я благородный. Квартиру жене и дочери оставляю. Но ведь и без благородства эта квартира ей принадлежит... Двухкомнатный кооператив – ее наследство после смерти родителей... Любимый муж к ней сюда жить пришел. Вместе со своим любопытством к ее прошлой жизни. К ее маленьким тайнам. К ее женским секретам. К ее физиологии. К ее душе, наконец. К душе, которую забрал себе полностью. Да, о ней можно сказать – полюбила его всей душой. Преподнесла ее на тарелочке с голубой каемочкой. На, бери. Вот он и взял...

Муж ушел, а Роза опустилась на дно реки. Поплыла. Вся остальная жизнь происходила там, на берегах, а она плыла. Люди смотрели на нее, будто она тоже живет на берегу, но Роза знала, что это не так... И никому про себя ничего не рассказывала. Надо было жить, вернее, притворяться живой, надо было растить Соньку. А рассказать про свою беду кому-то очень хотелось... Но, как оказалось, некому было. Время ее всепоглощающего замужества уничтожило всех друзей, и родственников тоже практически не осталось – два месяца назад умерла тетка в деревне, отписав ей дом, и надо было еще собраться да в ту деревню поехать, чтобы оформить все документы. Да и зачем ей дом в деревне – одной? Разве что продать, но много из этого предприятия не выручишь...

Однажды вместе с ней в подъезд зашла незнакомая женщина, но поздоровалась так, будто они были давно знакомы. Роза глянула на нее удивленно, ответила на приветствие с дежурной улыбкой. А женщина быстро пояснила:

– Я ваша новая соседка, квартира этажом ниже... Меня Лидой зовут.

– Очень приятно. А меня – Розой.

– Какое красивое имя... Цветущее...

– Да какое там... – грустно улыбнулась Роза, отводя глаза.

Они вместе поднимались по лестнице – новая знакомая Лида впереди, Роза сзади. Вдруг Лида остановилась и обернулась всем корпусом к Розе, как бы преграждая ей дорогу, и заговорила быстро:

– Вы извините меня, конечно, что я лезу не в свое дело... Просто хочу спросить... У вас, наверное, случилось что-нибудь, да? Что-то очень плохое?

– С чего вы взяли? – натужно улыбнулась Роза.

– Так видно же... Я часто с вами здороваюсь, а вы каждый раз отвечаете так, будто сильно этому удивляетесь... Будто впервые меня видите...

– Да? Что ж, тогда простите мне мою рассеянность. Я в последнее время и впрямь немного не в себе... Хожу и ничего не вижу вокруг...

Роза поняла, что сейчас разрыдается, некрасиво, навзрыд, прямо на лестничной клетке. Увидела это и новая знакомая Лида и проговорила быстро:

– А хотите черешневого компота, а? Холодненького? Я только сегодня банку открыла! Пойдемте, я вас угощу! Тем более мы уже пришли!

Роза кивнула и сглотнула горький слезный комок. Вовсе она не хотела никакого черешневого компота, но, если бы не кивнула, точно бы разрыдалась. А Лида тем временем достала из сумки ключи и уже шагнула к своей двери, открыла ее быстро, крикнув куда-то в глубь квартиры:

– Вадик, это я! Вернее, это мы с тетей Розой! Она этажом выше живет!

Потом Лида обернулась к ней, энергично махнула ладонью:

– Заходите, Роза! Заходите, с сыном вас познакомлю!

Вадик оказался белобрысым тихим мальчишкой примерно одного с Сонькой возраста. Вышел в прихожую, кивнул ей вежливо, только что ножкой не шаркнул. Пока она снимала обувь, Лида спросила у сына быстро:

– Ты голодный небось?

– Нет. Я поел.

– Разогревал?

– Конечно, мама. И посуду потом помыл.

– Молодец... Иди к себе, мы с тетей Розой на кухне посидим.

– Какой он у вас послушный мальчик... Даже посуду помыл... – удивленно произнесла Роза, глядя в спину уходящему Вадик. – А мою Сонечку и не допросишься что-нибудь сделать... И дома ее не удержишь... Никакого сладу с ней нет!

– Да ваша Сонечка – просто прелесть! Такая живая, такая прыгучая вся! А красавица какая – глаз не оторвешь! Я даже Вадик.у своему говорила – посмотри, мол, какая девочка... Пойди, познакомься... Да только где там! Слишком уж он у меня стеснительный! Да, вашу дочку я уж давно заприметила!

– Правда? А когда вы к нам сюда переехали?

– Так уж два месяца как... Я ж вам говорю – чуть не каждый день с вами здороваюсь, а вы каждый раз удивляетесь и будто вздрагиваете от неожиданности... И я каждый раз думаю – у этой женщины какое-то большое горе случилось... Ходит как в воду опущенная.

– Да, Лида, у меня случилось. Вы правы. Именно так – в воду... От меня ведь муж ушел...

– Тю! Тоже мне, нашла горе! Что ж теперь, жизнь свою отменить из-за этого? Лечь да помереть? Да щас, ага! От меня вон тоже муж ушел, да еще и квартиру заставил разменять! Была хорошая большая квартира в центре, а теперь мы с Вадиком оказались в этой двушке! Хорошо хоть, район не самый плохой! Вот это горе так горе, если уж смотреть на эту ситуацию именно с горестной стороны! А ты! Я так понимаю, ты ж в своей квартире с дочкой осталась?

– Да... Он ушел и ничего не взял. Только свои вещи.

– Молодец. Порядочный, стало быть. А мой все до последней ложки-плошки делил... И все время еще приговаривал – мне, мол, тоже ведь жить надо... А я что? Я согласилась. Надо так надо. И без него с Вадиком проживем и нового добра наживем, подумаешь! И ты не горюй! Ой...

А это ничего, что я на «ты» перешла? Мы вроде с тобой одноклассники...

– Да, ничего. Так даже лучше. А ты своего мужа любила, Лида?

– Конечно, любила. Какой ни есть, а честно любила. С любовью-то оно всегда проще замужем жить, тут не поспоришь.

– А когда он ушел... Как ты это пережила? Если любила?

– А знаешь, мне некогда было переживать, я разменом квартиры занималась. Если бы в переживания ударились, вмиг бы ослабела, и он бы в свою пользу жилье разменял... И оказались бы мы с Вадиком совсем на высылках. Оно нам надо? Нет, я оптимистка на этот счет, я на переживания не согласна. Чем больше переживаешь, тем хуже себе делаешь. Вот ты, я смотрю, совсем пропадаешь... Ходишь, еле ноги передвигаешь да в землю глядишь... Ведь так?

– Да, Лида. Пропадаю. Мне кажется, он ушел и душу мою с собой унес... Я не знаю, как это все правильно объяснить, но... Я так его любила, так любила...

– Да брось. Не любила ты его, Роза. У любящего душа всегда прирастает, а не утекает в любимого. Любящий счастлив своей любовью и душу любовью кормит. А ты не любила вовсе, ты жертва самая обыкновенная... Ведь жертва любить не умеет. У жертвы забирают, она отдает. Еще и радуется возможности отдавать. Ведь так?

– Ну да... Так... Но мне от этого не легче теперь...

– Так оно понятно, что не легче! Сама виновата, что ж! Надо всегда саму себя для себя оставлять, как бы ни любила! Чтобы потом не пропадать! И видеть, кого полюбила-то, глаза открытыми должны быть! Здоровый эгоизм – это признак здоровой психики, между прочим! Так умные-то люди говорят!

– А ты видела, кого любила?

– А как же! Он ведь у меня был из тех... Которые по природе всего один шар имеют...

– Не поняла... Какой шар?

– Да это я уж и не помню, от кого слышала... Но, видать, не глупый человек эту историю придумал...

– Что за история, Лид? Расскажи...

– Ну, не совсем история, а как бы рассуждение такое, что ли... Суть его состоит в том, что природа каждого мужика при рождении награждает определенным количеством шаров. Если расщедрится, то много шаров дает, если не очень, то мало. А кому и вовсе один малюсенький шарик сунет, размером с теннисный мячик... И вот они потом ходят по жизни с этими шарами, как могут. Кто-то в одном месте все свои шары оставляет, то есть живет в одной семье, с одной женой до конца своих дней. Кто-то к другой бабе уходит, но несколько шаров на старом месте держит, то есть ни дети, ни бывшая баба без помощи и поддержки не остаются. А кто-то уходит и все свои шары на новое место несет, и старой семьи для него будто уже и не существует. Поняла?

– Ну да, приблизительно... Мой муж, наверное, все свои шары с собой унес... Нам с Соней ничего не оставил...

– А я думаю, у твоего тоже один маленький шарик за душой был, потому он ничего и оставить вам не мог. Выходит, он в этом и не виноват, и обижаться тебе не надо. Ушел со своим маленьким шариком в другое место, а если нечего ему было оставить, так он и твое еще прихватил... Оттого и душа у тебя будто замороженная. Оттаивать тебе ее надо, восстанавливать как-то. Поняла?

– Да, поняла... И впрямь очень похоже на правду... А твой муж, стало быть, тоже свои шары с собой унес?

– Да куда там – шары! Я ж тебе говорю, у него тоже как раз тот самый случай... Тоже всего один шарик природой был дан, бедолаге. Я ведь у него вторая жена была, теперь его уже к третьей понесло... Нечего ему было для меня оставить, совсем нечего. И для Вадика тоже. Его ж пожалеть за это надо... Вот я и жалею. И ты своего тоже пожалей.

– Да как, как жалеть-то? Если он пустое место после себя оставил? И душеньку мою тоже с собой прихватил!

– Да перестань ты так про душеньку свою говорить, господи! С тобой она осталась, никуда не делась! Ее только отогреть малость надо, а ты не можешь! И вообще, если будешь так говорить – большую беду накликаешь! Горе ведь туда и стремится, где душа прореху имеет! Правда, перестань, что ты... Давай я тебе еще компоту налью...

– А знаешь, Лида... Вот поговорила с тобой, и легче стало, правда.

– Ну что ж, я рада... Значит, будем дружить по-соседски?

– Да... Обязательно будем...

Скоро их дружба переросла во что-то большее, почти родственное. Роза словно почувствовала под ногами опору, жить стало легче. Вот только всплыть все равно не могла. Ногами шла по дну реки. Хорошо хоть, об камни не билась...

Потом к их дружбе присоединилась еще и Лизочка, Маринкина мама. Может, потому, что Лизочка стала им подругой по несчастью – от нее тоже муж ушел. Да и проблем с детьми стало прибавляться – Сонька и Маринка уже начали вовсю куролесить, и они часто втроем – Роза, Лида и Лиза – бегали туда-сюда по району, разыскивая девчонок. Роза и Лиза плакали, а Лида выговаривала им сердито:

– Да как можно было так детей распустишь, не понимаю! Да были бы они моими детьми, я бы им пикнуть не дала, по струночке бы ходили! Да вы только посмотрите на моего Вадика, его же из дому погулять не выгонишь! А ваши что творят, а?

– Да отстань, Лид, и без тебя тошно... – отмахивалась Маринкина мать, утирая слезы. – Чего уж теперь-то, после драки кулаками махать...

– Правильно говоришь, раньше надо было думать! – не унималась возмущением Лида. – Не надо было много свободы давать! Сами виноваты – развели материнскую демократию! Ах, Сонечка, ах, Мариночка! Вот они вам теперь и выдают сексуальную революцию! Ищи теперь ваших малолеток по чердакам да подъездам! У меня мой Вадик в этом плане вот где сидит... – потрясала она кулаком. – Погодите, еще в подоле вам принесут, ага!

– Ой, да замолчи ты... – испуганно шмыгая, косилась на воинственную Лиду Маринкина мать. – Может, перебесятся еще... Просто у них сейчас возраст такой – беспокойный...

– Ага, а у моего Вадика не возраст, что ли? Он ведь дома все время сидит! Без моего разрешения никуда не сунется!

– А может, в этом тоже ничего хорошего нет... – подала свой голос Роза. – Что хорошего может быть в такой инфантильности... Так и просидит около твоей юбки всю жизнь...

– Ну да! Зато у ваших гулен все отлично, ага! Они около ваших юбок не сидят! Вот мы и бегаем, и разыскиваем их по району!

– Не хочешь, Лид, не разыскивай! – вдруг огрызнулась Лиза, и Лида присмирела вдруг, проговорила тихо:

– Да что ж я вас брошу, что ли... Вы ж мне как родные, роднее и некуда...

Так и жили, поддерживая друг друга и все больше прирастая друг к другу одинокими бабьими судьбами. Все проблемы решали вместе и стол к празднику накрывали вместе. Штаб-квартирой для дружеских посиделок стала квартира Розы, потому, может, что Сонька из всех детей была самой беспокойной, самой проблемной. Учиться не хотела, переползала кое-как из класса в класс. И никакие уговоры, никакие материнские слезы на нее не действовали. Роза, глядя на нее, лишь вздыхала горестно – упустила девчонку, мой грех... Сначала мужа боготворила, потом ходила как в воду опущенная...

А Маринка к последним школьным годам вдруг одумалась, стала налегать на учебу. Лиза ходила вокруг нее на цыпочках, нарадоваться не могла. Даже боялась проговорить вслух свою радость, только поглядывала с сочувствием на Розу, когда та жаловалась на Соньку. Впрочем, Роза на нее не обижалась. Она бы, наверное, так же стала отгораживаться, что ж. Да только Сонька все равно ей таких перспектив не давала.

После школы Сонька и Маринка вообще разошлись в разные стороны. Маринка поступила в Финансовый институт, Сонька влюбилась крепко, бесповоротно и практически без надежд на счастливый исход. Уж как ее угораздило – неизвестно...

Избранником Соньки оказался взрослый мужик по имени Виктор. Роза увидела однажды, как Сонька садилась к нему в машину, как он галантно открывал перед ней дверцу, как поддерживал под локоток... Ничего себе такой мужичок, при костюме, при галстукe, модно стриженный. Роза поначалу даже обрадовалась – может, это и есть Сонькина судьба? А что, одумается девчонка, замуж выскочит, детей нарожает... Пусть хоть так, чем по кривой дорожке пойдет...

Но не тут-то было. Виктор был женат. Имел крепкую семью, двоих детей, устроенную со всех сторон жизнь с хорошей квартирой, дачей, машиной. И должность имел хлебно-чиновничью в городской префектуре. Спрашивается – зачем с сопливой девчонкой связался, голову ей морочит? Да просто так, для разнообразия жизни. Хотя и это было бы ничего, не самая большая беда, если бы Сонька так не влюбилась... Почти до умопомрачения. До полной потери контроля над собой. Будто тяжелую болезнь перемучивала.

Роза видела, как она страдает. Как ждет его звонка. С какой тоской выглядывает в окно – не подъехала ли его машина... Так и промучилась полгода, пока Виктор не устроил ее в префектуру. Взял к себе секретаршей. Сонька была на седьмом небе от счастья...

А потом обнаружилось, что Сонька беременна. И что было делать, как проблему решать? На аборт Сонька ни в какую не соглашалась, да Роза и не настаивала... Пришлось собирать у себя срочный совет, пока Соньки дома не было...

– Нет, что она думает вообще? Неужели думает, что своей беременностью этого Виктора испугает? – возмущенно вопрошала Лида, будто Роза могла ей что-то на это возразить. – Конечно, не испугает! Он что, дурак, из семьи уходить из-за какой-то залетевшей соплюхи? Да теперь этого Виктора и не поймаешь с поличным... Скажет, знать ничего не знаю... Нет, не испугает она его своей беременностью!

– Ну почему же не испугает? Как раз это она и может... – задумчиво проговорила Лиза, поднося к губам чашку с чаем. – Вот пойдет и напишет на него жалобу, и попросят этого Виктора с его теплого места... Действительно, а кто будет разбираться – виноват, не виноват? Если есть заявление, значит, реагировать на него как-то надо! А самая лучшая реакция в этих случаях – увольнение. Нет человека – нет проблемы.

– Нет, на испуг этих чиновников не возьмешь... – задумчиво мотнула головой Лида. – У них там знаешь какая круговая порука... Один за всех, все за одного! Скажут, мол, что это частное дело и что надо частным образом разбираться, а не заявления всякие писать...

– Так что же тогда делать-то, девчонки? – тихо вопрошала Роза, глядя на «девчонок» поочередно. – Она ведь не в себе со своей любовью, она думает, что этот Виктор тоже ее любит... Что он вот-вот жену свою бросит да на ней женится! А он ей просто голову морочит, только и всего!

– А ты, Розочка, к нему домой сходи, там и расставь все акценты! Я думаю, после этого он живенько твою Соньку бросит! А там, глядишь, и все остальные проблемы сами собой рассосутся!

– Это беременность, что ли, сама собой рассосется? – насмешливо уставилась на нее Лида. – Ты чего говоришь-то, Лизок?

– Нет, не рассосется. Может, и родит Сонька, что ж. Зато успокоится. Материнские заботы, они, знаешь, быстро в чувство приводят... А Виктор этот пусть алименты платит, и больше от него ничего и не требуется! Да я думаю, он и сам захочет как-то откупиться...

– А что... Может, это и правда выход... А, Роза? Как думаешь? Может, и впрямь стоит вот так – раз, и рубануть топором! И заявиться тебе с этой проблемой к нему домой! А?

– Ой, не знаю я... – робко улыбнулась Роза. – Страшно мне как-то...

– А хочешь, я с тобой пойду? – решительно предложила Лида. – Уж я ничего не испугаюсь, ты ж меня знаешь! Это ты будешь стоять да блять, как перепуганная овца, а я все скажу, как надо! Давай?

– Ну хорошо... Давай попробуем, что ли... Только ты не сразу на людей накидывайся, ладно? Надо же как-то по-человечески, аккуратно все изложить...

– Не бойсь, Розочка, прорвемся! В конце концов, мы за правдой идем, а не подачки кланчить! Если сумел девчонку с ума свести, то и отвечать должен, как полагается!

Их праведный поход в лоно семьи Виктора закончился трагически. Закончился тем, что Сонька закатила скандал и ушла из дома в неизвестном направлении. Роза ее искала, но Сонька будто сквозь землю провалилась. Даже пришлось в милицию заявление на розыск нести, но там только руками развели – а что вы хотите, мамаша, ваша дочь уже совершеннолетняя, где хочет, там и проживает... Воспитывать надо было нормально, мамаша...

Потом Роза не помнила, как жила. Не жизнь была, а сплошная тревога за Соньку. Где живет, как живет... Еще и беременная, с токсикозом... Что ест, ходит ли в консультацию... Ведь ни одной весточки Сонька о себе не давала, так на мать обиделась! Потом через десятки руки узнала как-то, что вроде этот Виктор комнату ей снял... Жива, значит, и то хорошо.

Тревоги ее закончились в одночасье звонком в дверь. Открыла и увидела Соньку с кульком в руках... Поначалу и не поняла, что это за кулек такой, потом дошло – ребенок же, господи! Картина, как говорится, маслом, вполне классическая! Дочь в подоле принесла, принимай, мамаша!

Сонька смотрела на нее так, будто совсем не чувствовала себя виноватой. Даже наоборот, с напором смотрела. Чего, мол, застыла на пороге, дай пройти...

– Мам, я к тебе прямо из роддома, надо бы какие-то пеленки-подгузники организовать, а? Давай, мам... А то у меня времени совсем нет...

– То есть как это – времени нет? – тихо удивилась Роза, принимая из рук Соньки кулек.

Отогнула край протертого байкового одеяльца, глянула в личико внучке... Хорошенькая. На Соньку похожа. Вот заворочалась, личико скукожилось... Сейчас плакать будет, наверное...

– Мам... Там, в пакете, детская смесь есть. Приготовишь, ладно? Там ничего сложного, на пакете все написано... Она хорошо ест... У меня молока так и не появилось, в роддоме сказали, что смесью кормить можно.

– Она? Девочка, значит?

– Ну да... А я разве сразу не сказала?

– Нет... А как назвала-то?

– Розой...

– Как?!

– Да Розой, говорю же! В честь тебя! Ну а теперь давай прощаться, мам... Мне уходить надо...

– Куда? Куда уходить? С ума сошла?

– Нет, со мной все в порядке. Я за любимым человеком иду, мам. Вернее, уеду. Виктора в другой город переводят, ну и я за ним...

– Он что, с женой развелся? Вы вместе едете?

– Нет, не развелся. Он едет с семьей. Но я все равно с ним... И не говори мне ничего больше, мам, тебе этого не понять! Я без него жить не могу!

– А без ребенка можешь?

– Без ребенка могу. Прости, что ж теперь поделаешь, если я такая... Если я так умею любить... Тебе не понять, мам. Ну все, я пошла... А вы тут оставайтесь – Роза с Розой... Только не надо меня разыскивать, ладно? Я потом сама о себе дам знать, когда все устроится... Я ведь все равно с ним рядом буду, мам... Все, все, не говори больше ничего! Я ушла, все... В другой город уеду...

Сонька поспешно шагнула к двери, а Роза так и осталась стоять посреди комнаты. Почему-то эхом звучали в голове последние Сонькины слова – «в другой город уеду»... Где-то она их уже слышала... Ах, да! Это же любимый муж так говорил, когда с ней прощался: в другой город, мол, уеду. Стало быть, дежавю, вот оно что. Надо же, как Сонька со своим отцом исчезли из ее жизни одинаково. Судьба у нее, что ль, такая – пережить предательство близких?

Очнулась, когда маленькая Роза заверещала в руках, и пришлось положить ее на диван и распеленывать дрожащими руками.

И в этот момент с ней произошло что-то. Будто вынырнула наконец из своей бесконечной реки, с жадностью вобрала в себя воздух... И легче стало, и силы появились выбраться на берег. Еще глоток воздуха, еще...

Да, надо жить дальше. Надо перепеленать Розу. Надо готовить смесь, потом кормить... Много, много теперь всего надо. И с работой что-то решать надо, ведь завтра с утра надо выходить на работу... Хотя какая теперь работа, господи? О чем это она? Но с другой стороны – жить на что? Как жить без зарплаты?

А надо как-то. Ничего не поделаешь, началась новая жизнь. В которой они теперь вдвоем. Две Розы, большая и маленькая...

* * *

С работы Розе Федоровне все же пришлось уволиться. Но этого обстоятельства она не испугалась – казалось, в голове заработал четкий калькулятор, как она может устроить свою нынешнюю жизнь.

Во-первых, надо дом продать, который завещала ей тетка. Деньги небольшие, но на полгода скромной жизни хватит. Вопрос – как продать... Туда же ехать надо, заниматься вопросом. Но этот вопрос вдруг решил сам собой – однажды она достала из почтового ящика письмо... В нем подруга тетки предлагала купить дом и хлопоты по продаже брала на себя. Просила только прислать нотариально оформленную доверенность на сделку. Роза Федоровна помнила эту теткин подругу и тут же набрала номер ее телефона, который был указан в письме. Поговорили они весьма душевно, и о це-не сговорились вполне приемлемой, и через месяц Роза Федоровна получила свои деньги за дом. А тут еще и халтурка хорошая подвернулась – вечерами в школе полы мыть. Благо что школа рядом, в соседнем дворе. А за маленькой Розой в это время Лидочка посулилась присматривать, за что ей Роза Федоровна была страшно благодарна. Тем более вовсе это и не трудно было, потому как Розочка была на редкость спокойным ребенком, не плакала, даже когда подгузник был мокрым насквозь. Это обстоятельство даже несколько тревожило Розу Федоровну – отчего ребенок не плачет? Не требует, чтобы его на руки взяли? Неужели такая кроха чувствует, как бабушке трудно нести бремя полной и безоговорочной материнской ответственности, и боится потревожить бабушку своими младенческими потребностями? Она даже поделилась с подругами своими переживаниями на этот счет, но Лидочка только отмахнулась сердито:

– Да не сочиняй, что ты! Тоже мне, психоаналитик нашлась... Просто спокойный ребенок, вот и все! Радоваться надо, а ты на пустом месте проблемы придумываешь!

Лизочка же подумала и произнесла тихо:

– А мне кажется, Роза в чем-то права, Лид... Я где-то читала, что дети еще в материнской утробе все понимают и все чувствуют. Они же в этом посыле энергии растут, который от матери идет... Говорят, когда матери ребенок не нужен, то он даже не плачет, когда рождается. А если плачет, то будто извиняется – простите, мол, что я все же на свет появился...

Роза после этих слов тихо заплакала, а Лида сердито махнула в сторону Лизы рукой. И перевела разговор в другую сторону:

– А я, Лиза, твою Маринку вчера видела, едва узнала! Такая деловая стала, холеная, как с обложки журнала! Ее какой-то мужик из машины около дома высадил... Что, замуж, поди, собралась? А ты от нас этот факт скрываешь?

– Да какой замуж, ей еще учиться два го-да... – отмахнулась Лиза и почему-то грустно вздохнула.

И добавила так же грустно:

– Боюсь я, она вообще никогда замуж не соберется...

– Это почему же? – хором спросили Роза и Лида, переглянувшись.

– Да потому... Она сама так говорит. Хочу, говорит, для себя жить, хочу карьеру построить... Не надо мне, говорит, никакого мужа, и детей не надо... А еще говорит, что нынче это модно...

– Что модно? В одиночестве куковать? – удивленно уточнила Лида.

– Да нет... При чем здесь одиночество? Модно жить не по стереотипу, а отталкиваясь исключительно от своих потребностей. А потребность жить семейной жизнью есть не у всех. И способность тоже. Это она так рассуждает, Маринка... А мне, девочки, страшно становится, когда она так рассуждает...

– Так скажи ей, чтобы с ума не сходила! Что глупости это все! – рубанула ладонью воздух Лида. – Разве можно бабе одной всю жизнь прожить? Да у всякой бабы в крови должна быть заложена природная сверхзадача – гнездо свить да детей родить! Пусть без мужа, но гнездо с птенцами обязательно должно быть, как без этого! Ишь, умная нашлась – для себя жить! Будто гнездо с птенцами – это не для себя!

– Ага... Вон, одна уже птенца своего бабке подкинула и улетела... – мотнув головой в сторону Розы, тихо проговорила Лиза. – И в твоё гнездо, Лидочка, того и гляди чужая птица прилетит да своё гнездо в гнезде вить начнет... Вот тогда и запоешь, для себя надо жить или не для себя...

– Нет, мой Вадик тогда женится, когда себе на квартиру заработает. Я ему так и сказала, и он со мной вполне согласился, – уверенно парировала Лида.

– Ну да, ну да... Вот так пойдет и прям заработает, ага... Квартиры, они ж нынче на дороге валяются... – насмешливо ответила Лиза.

И неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы в него не вмешалась Роза, исполнив, как всегда, функцию миротворца:

– Девочки, не ссорьтесь! Обоих в угол поставлю! Давайте лучше чай пить, я же манник сегодня испекла! Сейчас я стол к чаю накрою...

Метнувшись на кухню, она тут же вернулась в комнату, тихо и удивленно спросила:

– Ой, а откуда у меня в холодильнике столько продуктов? Я и не заметила, как вы...

– Откуда, откуда... Зайчик принес! – весело откликнулась Лиза, и по ее веселости Роза Федоровна поняла, что это Лизиних рук дело.

– Ой, Лизочка... Ну что ты... Опять ты...

– Да ладно, устроила тут плач Ярославны, подумаешь! Все путем, Розочка, вместе мы сила! Лидка вон целыми вечерами с малышкой сидит, пока ты в школе полы драишь, а я что, рыжая, что ли? Я тоже тебе помогаю... И буду помогать...

Раз в неделю с меня полный набор продуктов в холодильник, и не надо вот мне этого... Такого вот лица виноватого да неловкого не надо мне... Поняла?

– Ой, девочки... – без сил опустилась на стул Роза Федоровна. – Ой, что бы я без вас делала...

– А мы бы что без тебя делали, а? – погладила ее по плечу Лида. – Ты ж нам, по сути, больше даешь, чем мы тебе... Ты нам даешь возможность почувствовать себя дающими... А это, знаешь, тоже дорогого стоит, свою какую-то значимость ощущать, хоть и такую маломальскую...

Когда маленькая Роза пошла в школу, Роза Федоровна вышла на пенсию. Другой работы, кроме мытья школьных полов, у нее так и не было – Роза росла болезненным, хилым ребенком, в детсад отдавать ее было жалко. И потому пенсионные деньги, хоть и небольшие, были очень кстати, и жить стало легче. Еще и от Соньки приходили редкие денежные переводы. Роза Федоровна радовалась этим весточкам – не столько деньгам, сколько факту присутствия Соньки в их жизни. Да и вообще... Если деньги шлет, значит, жива. Значит, работает где-то.

А однажды Сонька вдруг позвонила – в день рождения Розы маленькой. Хотя та уж не такая и маленькая была – аккурат десять лет исполнилось, первый юбилей, можно сказать. Роза Федоровна сунула ей к уху трубку, прошептав испуганно – это мама, Розочка... И стояла рядом, пока девочка напряженно вслушивалась в далекий материнский голос. И переживала страшно – может, не стоило этого делать, не травмировать лишний раз ребенка? А то что же получается... Не было мамы и не было, а тут раз – на тебе...

Но все обошлось, как ей тогда показалось. Роза вежливо сказала в трубку «спасибо» и протянула ее бабушке. Но в трубке уже слышались короткие гудки – Сонька отключилась... Потом, конечно, были еще от нее звонки, но уже по другому поводу...

К шестидесяти годам три подруги как-то незаметно управились со своим пенсионерским статусом. Из Лизы получилась пенсионерка счастливая, из Лиды наоборот. Оно и конечно, хорошо было Лизе! Маринка окончила институт, ринулась делать карьеру да хорошие деньги зарабатывать, и так вся ушла в это занятие, что напрочь отвергла замужество и детей. Нет, были у нее мужчины, конечно, но, как выражалась сама Маринка, были они исключительно для удовольствий, которые позволялись вне карьеры и денег. Не хотела Маринка брать на себя ни один вид зависимости, сама себе такую жизнь выбрала. Лиза сначала огорчалась, а потом приняла выбор дочери, тем более что и благодаря этому жила очень даже неплохо. Жила, ни в чем себе не отказывая, ездила на выделенные Маринкой субсидии на дорогие курорты, получала полное удовольствие от своей пенсионерской свободы. Утоленная пенсионерка, одним словом! Редчайший случай, ни дать ни взять!

Лидочкино же неутоленное пенсионерство было как раз таки случаем вполне обыденным. Да, Вадик рос мальчиком очень послушным и не доставлял Лиде хлопот, но... Из этого послушания вырос вполне себе объяснимый инфантилизм, который всегда и всем бывает понятен, кроме родной матери. Понятен он был и Маргарите, невестке Лидочки. Только зачем эта Маргарита замуж за Вадика пошла? И зачем поселилась в квартире мужа, и зачем двоих детей родила... Жила, будто все кругом ей были обязаны, с вечной претензией к мужу и свекрови. Сама же на работу не торопилась, досиживала со вторым ребенком положенные по закону три года. Спрашивается – зачем сидеть, если бабушка вполне может с внуками справиться? Зачем целый день сталкиваться лбами на крохотной кухне малогабаритной двушки?

Лидочка разрывалась, добывая средства на пропитание своей большой семьи. Подрабатывала консьержкой в соседнем «богатом» доме, ходила на рынок, покупала продукты. Вадик воспринимал такую мамину жизнь как должное, к материнской жертвенности ведь быстро привыкают. Сам он зарабатывал мало, никак не мог себе места найти, везде были начальники плохие, или контора плохая, или все вместе было никуда негодное. Так и переходил с места на место, нигде не сумев зацепиться. Маргарита фыркала, выражая мужу свое презрение, Лида страдала, подсознательно чувствуя свою вину... И все больше превращалась в жертву, которой

помыкают, от которой требуют, которой вечно недовольны. По сравнению с жизнью Лизы ни о какой радости не могло быть и речи...

– Представляете, девочки, она даже посуду за собой не моет... – жаловалась Лида «девочкам», то бишь Розе и Лизе. – Говорит, будто бы я все равно буду недовольна, как она ее вымоет... Когда это я недовольна была, а?

– Конечно, ты будешь недовольна, это уж к бабке не ходи! – безжалостно резала правду-матку Лиза. – Ты ж сама всегда первой за все хватаешься, впереди паровоза бежишь! Вот твоя Маргарита и сделала такой вывод – исключительно в свою пользу, заметь!

– А что мне, на месте сидеть да на грязную посуду смотреть? Мне не трудно, я все сделаю! Слава богу, я в силе еще!

– Во-о-о-т... Вот... В этом вся собака и зарыта – я, мол, сама, мне же не трудно... Так если ты сама и тебе не трудно, зачем она будет суетиться? Ты ж сама всю инициативу на корню обрубашь, вот в чем дело. Тебе все самой надо, и никак иначе! Потому что и впрямь считаешь, что другие хуже тебя сделают! А что твоей невестке после этого остается? Только на диване лежать, да сериалы смотреть, да мужа своего грызть, что мало денег приносит и на свою квартиру заработать не может. Вот и получается, Лидок, что в твоей семье все гармонично сложилось, у каждого свое место... И тебе твое место очень даже нравится – все брать на себя и параллельно возмущаться, что никто ничего не делает...

– Да, тебе хорошо говорить, Лиз... Ты живешь как сыр в масле катаешься, за Маринкиной-то спиной... А мне приходится пошевеливаться да бегать туда-сюда, и что еще остается, если из моего Вадика ничего путного не получилось? Не мужик, а амеба какая-то... Жена на него орет, а он и ответить ничего не может...

– А помнишь, Лид, как ты укоряла нас с Розой, что мы своих девчонок неправильно воспитываем? Что свободы им много даем? А своего Вадика в пример ставила – и послушный он у тебя, и дома сидит... И что из твоего воспитания получилось, а?

– Так Роза, вон, своей Соньке тоже много свободы давала... Теперь одна внучку воспитывает...

– Ну, Роза со своей Сонькой – это другой случай... Не показательный...

Роза Федоровна только вздыхала, слушая подруг, и думала о том, что и впрямь ее случай не показательный. Она-то сама находилась будто в промежутке между неудовлетворенной жизнью Лидочкой и счастливой Лизочкой. И помощи ждать неоткуда, и сердиться да жаловаться не на кого. Вроде и есть дочь как потенциальная помощница, и вроде как нет ее совсем... А вместо нее – дорогая внучка Розочка, которую еще растить да растить... А как растить, если годы уходят? На какие деньги обуть-одеть, да чтобы не хуже, чем у других? Нынче ведь модные тряпочки на девчонок недешевы... Вон как они одеваются, совсем соплюшки еще, а глядишь, и дух захватывает! И хорошо еще, что Лизина Маринка не крупная по природе, и все подаренные Маринкой «на бедность» вещички можно как-то на Розочку подкроить... Там шовчик прострочить, там рукавчик обрезать... Никто и не догадается, что с чужого плеча. Да и разве оно чужое, оно ж Маринкино! Она иногда и совсем новые вещи отдает! И вообще, что бы она делала без помощи подруг, ставших практически родными?

Роза Федоровна снова вздохнула и только сейчас заметила, что диалог Лиды и Лизы иссяк, что они смотрят на нее вдвоем, будто ждут чего-то. А чего ждут, интересно? Чтобы она подтвердила, что ее случай и впрямь не показательный?

– Роз... А от Соньки что, совсем никаких известий нет, да? – осторожно спросила Лида, навалившись полной грудью на стол.

– Да есть, есть известия... – нехотя созналась Роза, отводя глаза. – Вчера только Соня звонила... Так редко звонит, что пугаюсь прямо... Потом долго в себя прийти не могу...

– И что у нее на этот раз? Плохие новости, что ли?

– Нет... Не знаю... Хорошие, наверное. Все-таки она увела из семьи своего Виктора, сейчас вместе живут. Вот объясните мне, ради бога, что это за любовь такая, чтобы столько лет своего добиваться, а? Чтобы ребенка своего бросить и забыть напрочь? Она ведь даже никогда не спросит, как там Розочка... Будто не она мне в подоле принесла, а я сама себе Розочку родила... Вот и сейчас тоже... Поздравь, говорит, меня, мама, мы с Виктором ребенка ждем! Так радостно сообщила мне эту новость, вы бы слышали!

– А ты что, не рада? – удивленно спросила Лида.

– Да рада я, рада... Но я ж не о том сейчас... Я о том, что Розочка-то их ребенок тоже, между прочим! Общий ребенок! Соня – мать, а Виктор – отец! Неужели у них у обоих ни в голове, ни в сердце ничего не шевельнется, а? Это ж кого я воспитала, а, девочки?

– Ну, она ж тогда молодая была, когда Розу тебе оставила... – неуверенно возразила Лида, глядя куда-то в сторону. – Материнский инстинкт еще не проснулся... А Виктор этот и вообще Розочку никогда не видел... А если они все-таки предложат Розу к себе забрать, ты вот так возьмешь и отдашь, что ли?

– Нет. Нет, конечно. Ни за что не отдам. Что ей там делать? Да и не уживется она у них... Вон она какая нелюдимка растет...

Роза и впрямь росла нелюдимкой. Не потому, что сердито глядела на людей да на свет божий. Скорее она стеснялась глядеть. Тихой была, как мышка, прятала умные грустные глаза за стеклами очков. Ни с кем особо не дружила, в школе держалась особняком. Училась хорошо, но у доски отвечать не любила – сразу становилась косноязычной, и сжимались от смущения худенькие плечики, и дрожащая ладошка тянулась к дужке очков. Зато весь класс дружно списывал у нее домашние задания, и Роза тихо радовалась в этот момент – это было практически ее триумфом. А еще она успевала решать не только свой вариант на контрольных работах, но и соседний тоже, иногда и себе в ущерб, и это обстоятельство вызывало глубокое недовольство у классной руководительницы Натальи Петровны.

– Роза! У тебя совсем самолюбия нет! Так же нельзя, Роза! Это что же, твоя бабушка тебя в таком возмутительном альтруизме воспитывает? Вот я поговорю с ней, пусть завтра в школу придет...

После похода к сердитой Наталье Петровне Роза Федоровна встретила у подъезда Лиду, и вместе они зашли к Лизе.

– Лизочка, она мне такие обидные вещи сейчас говорила... Что я совершаю преступление в отношении Розочки, представляешь? Что я неправильно ее воспитываю... А еще она спрашивала, почему Розочкина мать не принимает участия в воспитании... Вот что я могла ей ответить, а? И как это я неправильно ее воспитываю, а?

Бывшая в гостях у матери Маринка немедленно встряла в разговор, то есть не дала ни Лизе, ни Лиде ответить на испуганные вопросы Розы Федоровны.

– Конечно, учительница права! Какое тут может быть воспитание – три бабки на одного ребенка? И ни одного внятного воспитателя?

Да она у вас даже в детсад не ходила, тетя Роза! Вы ж ее при себе держали, как царь Кощей держит золото в сундуке! Где она могла научиться коммуникабельности, по-вашему? У трех бабушек с их суждениями времен очаковских и покоренья Крыма?

– Ну, мы ж не всегда бабками были, чего уж ты так... – обиженно молвила Лиза, с укоризной глядя на дочь. – Я и сейчас, между прочим, бабкой себя не считаю! И Роза – какая она тебе бабка? И Лида... Да нам еще и шестидесяти пяти нет, какие мы тебе бабки? Да сейчас даже пенсию только в шестьдесят три года станут давать, так что до этого возраста все женщины у нас – молодые! И ты давай... Против решения нашего правительства не особо выступай! Раз объявлено в государстве продление молодости, значит, и нам не пристало на старость ссылаться! Чтобы я больше не слышала от тебя про времена очаковские да покоренье Крыма, поняла?

Роза Федоровна с Лидой переглянулись и хохотнули сдержанно, а Маринка вдруг стушевалась, проговорила уже более спокойно:

– Ну, простите, если обидела... Я ж просто образно выражаюсь... Но все равно, как ни крути, а воспитатели из вас никудышные. А Розка в вашей среде выросла, разговоры ваши слышала... Потому и ведет себя, как маленькая пенсионерка. Ей бы самое время из дома сбегать да похулиганить, а она сидит, домашние задания делает!

– Еще чего – похулиганить! – замахала руками Лиза. – Бедной Розочке и Сонькиного хулиганства хватило! Нет уж, пусть лучше домашние задания делает! Так как-то спокойнее, знаешь ли!

– Да ладно, мне-то что... – пожала плечами Маринка, быстро глянув на часы и тут же заторопилась: – Ну все, мам, я побежала... Позвони завтра, как долетишь, ага?

– Позвоню, позвоню... – все еще обижаясь, ворчливо проговорила Лиза.

– А куда это ты летишь опять, а? – полюбопытствовала Лида, когда Маринка ушла. – Вроде недавно только с Мертвого моря вернулась...

– Да когда – недавно! – кокетливо улыбнулась Лиза. – На Мертвом море я в сентябре была, а сейчас конец ноября! Уже два месяца прошло!

– Ну да... Это, конечно, долгий срок... Хотя чего тебе какие-то сроки, ты ж у нас молодуха, как только что выяснилось!

– Ну и не бабка! Я, между прочим, еще мужским вниманием пользуюсь! Знаешь, как за мной на Мертвом море один еврей ухаживал? Да за мной в молодости так никто не ухаживал, если на то пошло! А я его ухаживания не приняла...

– А чего ж не приняла-то? Чего так оплошала?

– Так ему уже глубоко за семьдесят... Хотя он ничего такой, приятно интеллигентный... Между прочим, он из Бостона. Зовут Лазарь Моисеевич. Каждый год в сентябре на Мертвое море летает.

– Что, и в номера звал, поди?

– Звал... Но я ж говорю – не пошла.

– Да отчего ж? Ты же у нас молодуха!

– Ну, молодуха не молодуха... А ходить по номерам в моем возрасте тоже как-то не комильфо, согласитесь...

Роза Федоровна хмыкнула, глянула на Лиду... И дружно расхохотались втроем, снимая напряжение от неловкой темы. Потом Роза Федоровна проговорила тихо:

– А может, Маринка и права, не знаю... Может, я и впрямь веду себя с Розочкой, как царь Кошей... Но вы ж понимаете, девчонки? Однажды обжегшись на молоке, потом и на воду дуешь...

– Ой, да не переживай ты так, Роза, я тебя умоляю! – махнула рукой Лида, вздохнув. – Подумаешь, учительница что-то тебе там сказала... Сама-то она поди соплюха еще, эта учительница?

– Ну да... Молоденькая совсем...

– Ну, я ж говорю, что яйца курицу не учат! Да тебе, наоборот, памятник при жизни надо поставить, что ты внучку в детдом не спроводила, а на ноги подняла да воспитала! Да если только вспомнить, как ты ее растила. Как она болела, как ты ее по врачам возила да путевки в санатории выпрашивала... И все одна, одна...

– Почему же одна? Вы всегда рядом со мной были, девочки... И помогали всегда... Да если бы не вы... Да я бы...

– Ну ладно, давай еще реветь возмись, ага! – сердито проговорила Лидочка, глядя исподлобья на Розу Федоровну. – И вообще, надо тему закрыть, все уже выяснили! Давай-ка мы лучше молодуху нашу проводим в новое путешествие, напутствие ей дадим! Слышь, молодуха?

– Какое еще напутствие? – осторожно спросила Лиза, понимая, что следует ожидать нового подвоха с Лидиной стороны.

– А такое... – коварно улыбаясь, проговорила Лида. – Знаешь, как у нас шеф на работе говорил каждой бабе, которая в отпуск уезжала?

– Ну?..

– Он поднимал бокал и всегда произносил одну и ту же короткую фразу – не жмись! Вот и ты, стало быть, Лизок... Не жмись! И помни, что ты по нынешнему исчислению всего два го-да пенсионерка! Соплюха ты еще пенсионерская, вот ты кто! А мы уж с Розой, не имея возможности путешествовать, будем за тебя радоваться! Правильно я говорю, Роза?

– Правильно, Лидочка... Только мне домой пора. Розочка уж меня заждалась, наверное... Беспокоится... И ведь я точно знаю, что она меня ждет и никуда из дома не уйдет! Я думала, это хорошо, а выясняется, что неправильно... Вот и ломай теперь голову, что правильно, что неправильно!

– Да чего теперь ее ломать-то, Розочка! Уж что выросло, то выросло... Теперь надо просто дальше жить, и все! Обратно не перевоспитаешь! Ну ладно, пойдем, если уж так торопишься... И мне тоже домой пора...

* * *

Бабушки дома не было, и Роза чувствовала, как поднимается в душе тревога. Что там наговорила ей классная руководительница, неизвестно... Наверняка пугала тем, что бабушка ее неправильно воспитывает. А ей, между прочим, волноваться нельзя, сразу давление поднимается. Вот где она сейчас, интересно? И позвонить нельзя, вон он, телефон, в прихожей на тумбочке лежит. Вечно бабушка его забывает с собой взять...

Роза отошла от окна, вздохнула тяжело. Надо бы отвлечься на что-нибудь, чтобы не мучиться ожиданием. В комнате прибраться, что ли? Но чего там прибирать, и без того все чисто, все убрано... У них вообще всегда в квартире чисто, бабушка говорит, так жить легче. Когда все отчищено, отмыто, отстирано и отглажено и по своим полочкам разложено. Вроде и жизнь получается такая же – по полочкам разложенная. И на душе тоже порядок образуется. И чтобы вся жизнь шла по порядку... Утром овсянка на завтрак, потом школа, потом обед, потом уроки делать... А вечером с бабушкой сериал смотреть. И никаких поздних гуляний с подружками, потому что бабушке волноваться нельзя. Да и нет у нее подружек... И на гулянья тоже никто не зовет... Какие могут быть гулянья, если она... такая? Которая ни в одну тусовку никогда вписаться не сможет? Попросить домашку списать – это пожалуйста, но чтобы за свою сойти... Это уж извините-подвиньтесь. Да она уж привыкнуть успела... И ничего страшного, между прочим, жить можно...

Хотя, если честно, хотелось бы видеть себя другой. Такой, например, как Нелка Петровская, первая красавица в классе. И тоже с модной прической, и в модных рваных джинсах... Она однажды даже предложила бабушке – давай мне модную стрижку сделаем! Каре такое, чтобы сзади коротко, а спереди длинно! На что бабушка сделала жалкое испуганное лицо и прошептала, почти задыхаясь: что ты, Розочка, что ты... Такие волосы остричь, жалко же... Тебе так идет, когда ты их назад забираешь и в хвост завязываешь... А на висках вьюнки легкие остаются...

Да, остаются. Но зачем ей эти вьюнки? Она с ними похожа на бабушкин портрет в молодости... А с другой стороны – пусть будут вьюнки, если бабушке так хочется. Зачем ее огорчать? Чтобы опять давление поднялось, что ли? Говорят, если у человека совсем высокое давление поднимется, он и умереть может... Нет-нет, лучше не думать, не пугать себя этой ужасной мыслью! Потому что если бабушки не станет, то никто ее больше и любить не будет... А это так страшно, когда некому тебя любить! Совсем – некому!

А еще она, дурочка, однажды у бабушки про рваные джинсы спросила. Не в том смысле, что такие хотела бы, а в том, как бабушка к этой моде относится. И потом чуть не рассмеялась, когда услышала ответ... Оказывается, бабушка считала, что девчонки ходят в рваных джинсах от бедности! Это, оказывается, у них матери такие ленивые – не могут ребенку штаны аккуратно зашить! Ну вот как ей объяснишь, что это мода такая? Никак и не объяснишь...

Ну, да и ладно. Обойдется она без модных причесок и без рваных джинсов, лишь бы бабушка ее по-прежнему любила. А любит она ее очень сильно. Так сильно, что иногда чувствовала, как пробегала волна тепла, и так хорошо становилось... И не думалось ни о чем плохом...

О том, например, что ее может забрать к себе мама. Да, у нее была где-то мама, и от этого факта так просто не отобьешься! Мама иногда, очень редко, звонила бабушке и требовала дочку, то бишь ее, Розу, к телефону. И надо было брать трубку и отвечать на мамины строгие вопросы, обливаясь холодным потом от страха. Потому что в голосе мамы не было никакого тепла, а было что-то другое... Недовольство было, что ли. Недовольство тем, что у нее есть дочь, которую она бросила. Все в жизни хорошо у мамы, но, черт возьми, где-то есть дочь, которую она бросила! И дочь в этом виновата, да! Что вовсе не претендует на материнскую любовь, не просится жить к матери, что отвечает сухо-испуганно на ее вопросы! И ждет, когда эта пытка закончится...

Когда можно будет снова безбоязненно окунуться в бабушкино тепло... Неправильно это все, наверное, и так быть не должно. Но что делать? Уж как есть, так есть... У любви иногда очень причудливый выбор...

И вообще, жизнь у нее прекрасно складывается! Ей хорошо с бабушкой, да! И хорошо чувствовать себя в школе белой вороной! А эти покушения на дружбы-тусовки, на всплески желания выглядеть как все... Это ведь, по сути, вовсе неинтересно. Гораздо интереснее вечер с книгой провести... Сколько еще хороших книг можно за свою жизнь прочитать – с ума сойти! Это ли не настоящее счастье? Счастье, конечно!

А одета она вовсе не хуже всех, между прочим. Они ж просто не понимают, те, кто над ней подсмеивается. Тетя Марина хорошую одежду ей отдает, качественную. Строгие офисные костюмчики, белые блузочки, узкие юбки-карандаши. А еще очки тети-Маринины, делового стиля... Правда, они уже из моды вышли. Да и сама подаренная тетей Мариной одежда смотрится на ней... Как бы это сказать... Не к месту, что ли. Тетя Марина худенькая, подтянутая такая, как струна – не зря же регулярно тренировками занимается. А она совсем не подтянутая, даже рыхловатая самую чуточку. Но этой чуточки достаточно, чтобы ощущать себя некомфортно в строгой одежде. На тете Марине белая блузка сидит как влитая, а у нее грудь обтягивает... И все время есть опасение, что между пуговками на груди ткань разьежжается неприлично. И приходится прижимать локти к бокам и съезживать плечи, и со стороны в этом положении она наверняка смотрится нелепо... И бабушке об этом не скажешь, потому что откуда у нее деньги возьмутся другую блузку купить? С деньгами у них все время беда... Нет, пусть уж лучше она будет нелепо выглядеть, чем у бабушки что-то просить. И даже наоборот, нахваливать будет эту тети-Маринину блузку да узкую юбку, чтобы бабушке приятное сделать.

Правда, однажды Нелка Петровская спросила у нее насмешливо: ты почему так по-старушечьи одеваешься, а? Тебе ж совсем не идет... Бабка заставляет, что ли? Ты ей скажи – хорош надо мной издеваться, бабка! Я ж посмешищем на общем фоне выгляжу!

Надо было ответить этой Нелке что-нибудь резкое – мол, не твое дело, но она только улыбнулась жалко и пожала плечами. Получилось, что подыграла. Получилось, что и впрямь ее бабушка заставляет. И что издевается, да. Потом долго не могла сама себе простить эту жалкую улыбку. Но что делать – смелости не хватило поставить Нелку на место...

Где бы ее взять, смелости этой? Так ее не хватает! Иногда и на уроке хочется руку поднять и ответить, потому что лучше других знаешь, как надо ответить, но сидишь, сжавшись,

и боишься, боишься... Вот спросил бы кто-нибудь – чего боишься-то? А она и сама не знает чего! Может, того, что на нее весь класс будет смотреть? На такую... В белой блузке, в юбке-карандаше и в очках? Смотреть, как она кукожится в этом во всем, потому что все по-другому одеты? Или вовсе тут не в одежде дело, а в ней самой? Сидит проклятый страх внутри, не дает жить нормально...

– Да это пройдет с возрастом, не переживай! – однажды принялась ее успокаивать тетя Марина, когда заставила примерить очередную порцию своих одежек. – Это называется – страх публичных выступлений. А вообще, тебе к хорошему психологу попасть не мешало... Хочешь, я с твоей бабушкой поговорю?

– Ой, не надо с бабушкой, тетя Марин... Это же дорого, наверное... У бабушки и без того треть пенсии на лекарства уходит...

– Понятно. Тогда сама справляйся, что ж. Преодолевай в себе этот страх. И вообще... Думай о том, что ты в своем классе самая умная! Что ты столько книг за один месяц прочла, сколько ни одна твоя одноклассница и за всю жизнь не прочтает! Не стесняйся того, что ты среди них белая ворона, а гордись этим! Транслируй свою гордость в пространство, поняла? Потому что к нам относятся соответственно тому посылу, который мы транслируем...

Она попробовала транслировать. Не получилось. Может, потому, что гордости в ней никакой нет. Даже перед зеркалом репетировала «трансляцию» – все равно не получилось. Самой смешно стало. Стоит вся надутая, напряженная, аж прыщи на лбу покраснели... Еще и бабушка подглядела случайно ее упражнения, спросила тревожно:

– Что ты, Розочка? Почему так сердито на себя в зеркало смотришь? Не нравишься сама себе, да? Брось и не придумывай даже... Ты у меня красавица, ты у меня умница, каких свет не видывал... И характер у тебя золотой, и душа добрая... А у кого душа добрая, того счастье само находит, и в зеркало смотреть не надо! Вот поступишь в институт, выучишься, потом замуж выйдешь... Все у тебя будет хорошо, кровинка моя!

Роза улыбнулась невольно, вспомнив этот бабушкин монолог... И снова подошла к окну – ну где она ходит так долго? Может, к тете Лиде сходить, спросить? Или к тете Лизе? Наверняка у них засиделась... Да, надо сходить...

Пошла в прихожую, сунула ноги в туфли, мельком глянула на себя в зеркало. Лицо встревоженное, губы сжаты, брови сведены к переносью. Боже, как неуютно внутри... Как страшно чувствовать потенциальное одиночество и мучиться ожиданием...

О! Вроде шаги на лестнице! Ура, ключ звякнул в замке! Пришла, гулена! Ну, сейчас ты у меня получишь выволочку...

– Бабушка, это что такое, а? – грозно встретила она на пороге опешившую Розу Федоровну.

– Что, Розочка? Что случилось? Почему ты такая сердитая?

– Ты почему опять без телефона ушла? Сколько раз я тебя просила – бери с собой телефон! Опять забыла, да?

– Ой, забыла... Надо же, растяпа какая... А ты меня потеряла, да?

– Конечно, потеряла!

– А мы у Лизочки засиделись, заговорились... Я и не заметила, как время прошло!

– Ну, это понятно, что вы засиделись. Как соберетесь, так вас и не развести в разные стороны! Как маленькие, честное слово! А я тут с ума схожу, между прочим! Вот уже искать тебя пошла!

– Ах ты, моя хорошая... Потеряла, искать пошла...

Роза Федоровна даже всхлипнула от умиления, глядя в сердитое лицо внучки. Подумала на миг – а ведь никто никогда в жизни ее не искал... Ни муж любимый, ни дочь... Не нужна она им была, своей жизнью жили. А внученьке она нужна, стало быть. Боже, счастье-то какое. Да за такое счастье можно любые трудности перенести, и безденежье, и гипертонию прокля-

тую возрастную, и выволочку школьной учительницы... Чего она понимает, учительница эта? Неправильно она внучку воспитывает! Да ты сама доживи до такой внучки, глупая ты учительница, а потом меня учи, что к чему да зачем...

Потом они долго пили чай на кухне, и Роза делилась с бабушкой впечатлениями от недавно прочитанной книжки. В библиотеке взяла. Фицджеральд Фрэнсис Скотт. «Загадочная история Бенджамина Баттона».

– Ой, а я вроде такое кино смотрела, Розочка... По телевизору как-то показывали... Но до конца не досмотрела, уснула...

– Так давай посмотрим, бабушка? Я найду на компьютере...

– Давай! Очень даже интересное кино, а главное, я хоть до конца досмотрю, узнаю, чем там все завершилось!

– Да ничем и не завершилось, бабушка... Чем такой сюжет мог завершиться, когда человек не вперед, а назад свое время отсчитывает? Очень грустно все завершилось...

– Ладно, не рассказывай, а то мне неинтересно смотреть будет!

Они сели рядышком в Розиной комнатке, голова к голове, смотрели фильм. Изредка отпускали реплики. Единение их было счастливым и немного трогательным, и в который уже раз Роза Федоровна подумала – нет, не права эта Розочкина классная руководительница... Все у них в семье хорошо, и Розочку она правильно воспитала... А если даже неправильно, то Розочка сама потом разберется, что правильно, что неправильно. Главное, надо бы жить дольше, не умирать. Обратного отсчета времени, как у Бенджамина Баттона, у нее точно не будет. Нет, нельзя ей умирать, нельзя оставлять Розочку одну...

* * *

После окончания внучкой школы перед Розой Федоровной встал вопрос – что же делать дальше. Хотелось бы со специальностью конкретной определиться, чтобы спокойная эта специальность была да относительно хлебная. Как ни крути, а годы идут, болезней старческих прибавляется, и придется потом Розочке самой о себе думать... Но лет пять в здравом уме и какой-никакой физической силе вполне еще можно продержаться, пока Розочка институт окончит...

Сама Роза хотела учиться на библиотекаря. Даже на день открытых дверей сходила в университет культуры, где есть такая специальность. Но Роза Федоровна сомневалась в выборе внучки. С одной стороны – специальность хорошая, а с другой стороны – какой уж тут особенный хлеб? Так и просидит всю жизнь с книжками, считая копейки... И, конечно же, состоялся у Розы Федоровны по этому вопросу с подругами большой совет, как же без этого. И неожиданно вскрылись другие стороны вопроса, о которых Роза Федоровна как бы и не задумывалась.

– Ну, и где она на этом факультете себе мужа найдет, а? – строго вопрошала Лизочка, рассматривая на ногтях свежий маникюр. – Там же одни девчонки учатся, что ты!

– Правда? И мальчиков совсем нет? – задумчиво уточнила Роза Федоровна.

– Нет, конечно! Странная ты какая! Ты когда-нибудь в своей жизни видела мужчину библиотекаря?

– Нет, не видела... Да я и в библиотеку мало ходила, как-то не до книжек мне было, знаешь...

– Так и я там не часто бывала. Зато совершенно точно знаю, что мужчину там днем с огнем не сыщешь. Сама подумай, чем это обстоятельство для Розочки обернется? Хочешь, чтобы она в девках всю жизнь просидела, да? Где еще можно себе мужа найти, если не в студенчестве? Нет, не надо туда Розочку отправлять, надо, чтобы в институтской группе парней много было, а девчонки чтоб в дефиците были. Вот тогда...

– Но Розочка сама хочет на библиотечное отделение! А может, это ее призвание, как я буду ей что-то другое советовать, а? Да еще по такому сомнительному принципу, как наличие мальчиков в студенческой группе?

– Ну, знаешь ли... Это ты по тем еще правилам рассуждаешь, которые в нашей молодости были установлены! Главное, чтобы по призванию идти, и никак иначе! А молодые сейчас по-другому рассуждают, для них это самое призвание уже не на первом месте стоит... Особенно для девчонок... Потому что они давно уже смекнули, что удачное замужество надежнее всякого призвания.

– Да не слушай ее, Роза! Пусть поступает, куда хочет! Пусть и на библиотекаря выучится, тоже хорошо! Главное, чтобы ей самой нравилось! – будто бы в пику Лизочке рапортовала Лидочка. – А замужество от нее никуда не уйдет, подумаешь, какая проблема... Тем более рядом с институтом культуры военное училище расположено! У меня одна знакомая дочку за военного выдала, теперь не нарадуется! Девчонка была бедовая, того и гляди, по кривой дорожке пойдет, а теперь по струночке ходит, мужнины команды слушает! Чем плохо-то, а?

– Ну, ты сравнила нашу тихую Розочку с какой-то там... Которая по кривой дорожке! – тут же возмутилась Лизочка. – У нашей Розочки все дорожки прямые, никакие команды ей не нужны! Еще чего!

– Девочки, не ссорьтесь... – тихо вздохнув, прошелестела со своего места Роза Федоровна. – Лучше посоветуйте что-нибудь конкретное. Кем вы Розочку представляете? Если не библиотекарем, то кем?

Лиза и Лида замолчали, задумались глубоко. Потом Лиза проговорила осторожно:

– Вообще-то эта специальность для Розочки – самое то, конечно... Тем более ей самой нравится. И на бюджетное место она точно поступит, баллов аккуратно должно хватить...

– Да, она по тем предметам, которые там по баллам считают, вроде хорошо преуспела, – согласно кивнула головой Роза Федоровна. – Да, все вроде хорошо складывается, будто само собой... Но зарплата же, девочки! Все же еще и в зарплату упирается, вот в чем дело! Не хочется ведь, чтобы она всю жизнь копейки до зарплаты считала!

Лида молчала, внимательно слушала подруг. Потом рубанула воздух ладонью, проговорила сердито:

– А знаете, о чем я сейчас подумала, девочки? Нет, все же не надо ей идти на библиотечный! Что она там не видела, а? Всю жизнь книжную пыль глотать? И впрямь копейки считать?

Да, она сама туда хочет... Но мало ли куда она хочет? Нет, надо что-то более основательное в качестве специальности рассматривать... Финансовый институт, например. Экономический факультет. Там всяких специальностей много, что-нибудь все равно подойдет!

– Ты что, ренегатка! – подняла в изумлении брови Лизочка. – Сначала одно говоришь, потом другое! Вон бедную Розу совсем с толку сбила!

– Так в Финансовый институт всегда конкурс большой... Ей не поступить на бюджетное... – вяло возразила Роза Федоровна, с испугом глядя на Лиду.

– Значит, на платное пусть поступает! Лучше пять лет помучиться да платить, чем ребенку кое-какое бесплатное образование дать!

– Да я бы согласна помучиться, Лид... Но ты ж знаешь мое положение – где я столько денег найду? На работу меня сейчас никто уже не возьмет...

– А Сонька на что? Пусть она раскошеливается, в конце концов! Мать она или ехидна? Если сама не захочет – заставь! Ничего-ничего, не обеднеет! А то ишь, затихарилась, будто не она родила, а ты сама себе Розочку в капусте нашла! Звони, вызывай ее сюда, пусть тебе в глаза поглядит! Так-то лучше будет!

– Ой, да не буду я ей звонить, что ты... – испуганно отмахнулась Роза Федоровна. – Живет своей жизнью, и ладно, и пусть...

– Вот вся ты в этом и есть, жертвенница-смиреница! На таких, как ты, всю жизнь и ездят! Ничего для себя потребовать не можешь! Да Сонька и не ценит твой подвиг, и не надейся!

– А я и не надеюсь... – грустно покачала головой Роза Федоровна. – И даже не претендую нисколько... Наоборот, я Соньке благодарна за Розу. Она моя радость да отрада на старости лет.

– А Розе от этого легче, что она отрада на старости лет? Ей жить дальше надо, судьбу свою обустраивать надо, замуж выходить, в конце концов. И профессию хорошую получить.

Пусть и на платном обучении. Так что давай зови Соньку, решай вопрос. И пожестче решай, а то она опять махнет хвостом – и поминай как звали. Поняла?

– Поняла, Лидочка, поняла. Я подумаю над твоим предложением, да...

Вовсе Роза Федоровна не собиралась думать над Лидиным предложением, просто так сказала, чтобы отвести в сторону эту тему. Но, видать, сказанные обманные слова имеют свою энергию, и все с ними не просто...

Сонька приехала вдруг сама, без всякого вызова. Просто однажды раздался звонок в дверь, и Роза Федоровна открыла и обомлела от неожиданности. Даже поздороваться не могла, не то что родную дочь к сердцу прижать. Отвыкла, наверное, от нежных материнских чувств за все время Сонькиного отсутствия. А может, все чувства, какие у нее были не растрчены, вылились на Розочку, и тревожила ее теперь мысль – как-то Сонька встретится с дочерью, не обидит ли чем...

Сонька тем временем переступила порог, повела плечами, сбрасывая с них короткую кожаную курточку. Осталась в длинном, до пят, синем платье – видно, что дорогом. Да и вся Сонька была такая... дорогая. Ухоженная, изысканно пахнущая, вальяжная.

Оглядев прихожую, Сонька улыбнулась грустно:

– Надо же, ничего не изменилось... Даже обои те же самые...

– А чего их менять-то? Мы тихо живем, обои царапать некому... – невпопад проговорила Роза Федоровна, опасливо оглядываясь на дверь Розиной комнатки.

Сонька уловила ее взгляд, спросила шепотом: – Дома?

– Дома... Где ж ей быть-то... Сидит, занимается... Завтра последний экзамен сдает. Иди, погляди хоть, какая дочка у тебя выросла!

– Ты меня сейчас упрекаешь, что ли, мам?

– Нет. Я тебе предлагаю поздороваться с дочерью, если уж приехала.

– Нет, ты меня упрекаешь, я же слышу!

Сонька повысила голос почти до опасливо слезных ноток, и Роза Федоровна испугалась – только бы Роза не услышала. Как бы там ни было, но она всегда приукрашивала внучке мать, чтобы не сложилось у Розочки чувства неполноценности по поводу своего странного сиротства. Мол, не бросила тебя мама, а оставила, потому что обстоятельства так сложились. Мол, хотела с собой в другой город увезти, да я тебя не отдала. Нам ведь хорошо с тобой вдвоем, правда, Розочка?

Хотя Роза Федоровна и понимала, что внучку не обманешь. Что во время коротких телефонных переговоров с матерью она стоит, как солдат на плацу, и трепещет – то ли от скрытой обиды, то ли от непонимания происходящего... А теперь нате вам – здрасте. Явилась мать во всей красе. И надо в глаза ей глядеть и не теряться...

– Я тебя ни в чем не упрекаю, Соня. Как случилось, так и случилось, – старательно спокойно произнесла Роза Федоровна. – И вообще, давай про наши с тобой взаимоотношения потом... А сейчас просто будь матерью, прошу тебя. Не пугай дочь.

– А я кто, не мать, по-твоему? – снова нервно спросила Сонька, ладонями подправляя локоны. И спросила вдруг тихо, совсем в другом тоне: – Как я выгляжу, мам? Нормально?

Ох, как хотелось Розе Федоровне поставить ее на место! Как хотелось бросить в лицо – да какая ж разница, доченька, как ты выглядишь? Ты что, женихаться сюда приехала, что ли? Или материнский инстинкт как-то определяется внешним видом?

Но сглотнула свое желание, прошептала сухо:

– Да иди уже... Знакомься... Не пугай ее только, ради бога... Сразу с объятиями не набрасывайся, дай попривыкнуть...

Сонька шагнула к двери, но она сама вдруг открылась, явив им и без того перепуганную Розу. Наверняка она слышала весь их короткий диалог, будучи в комнате. Дверь-то хлипкая. Не дверь, а название одно.

Неизвестно, кто из них оказался в большем смятении, мать или дочь. Только смятение это было разное: у Соньки любопытное, у Розы – испуганное до крайности. Будто мать затем только и приехала, чтобы схватить ее в охапку и увезти за собой в неизвестном направлении. И что там с ней произойдет – страшно подумать...

– Ну, чего ты? – старательно бодреньким голосом проговорила Роза Федоровна, улыбаясь. – Чего ты застыла, как соляной столб? Ничего такого особенного не случилось, вот мама твоя приехала...

Роза машинально кивнула, потом еще раз, потом еще... Словно китайский болванчик, которого тряхнули слегка. Лицо ее оставалось непроницаемым, но непроницаемость эта была вовсе не от неприятия происходящего, а от смущения и испуга, которые пока не могли пробиться на лицо соответствующими эмоциями.

На лице же Соньки явно читалось разочарование, хотя Сонька изо всех сил пыталась его не показать. Наверное, не соответствовала бедная Роза Сонькиным о ней представлениям. Качеством экстерьера подкачала. Маленькая, рыхловатая, в издавшем виды хлопковом домашнем костюмчике, с волосами, гладко зачесанными назад... Да и не в экстерьере даже и дело было, наверное. Просто отсутствовала в Розе напрочь та составляющая, которая свойственна юным девам, начинающим осознавать свою ценность именно по этому признаку. Когда дева захлеб начинает рассматривать себя в зеркале, изгибаясь то так, то этак и примеряя на себя то одну легкомысленную тряпочку, то другую... И губы начинает вытягивать уточкой, и волосами тряссти... Не было ничего этого в Розе, стояла перед матерью не юная дева, а застывший соляной столб, как только что сказала о ней Роза Федоровна. Плюс этот испуганный взгляд исподлобья...

– Ой, Розочка! У нас ведь к чаю ничего нет! Чем же мы маму угощать будем? Ты в магазин не сбегаешь, а? – пришла ей на помощь Роза Федоровна, словно на амбразуру бросилась. – Давай-ка, оденься по-быстрому, сбегай, подсуетись...

Роза кивнула, даже попыталась вежливо улыбнуться и выдавила из себя с хрипотцой:

– Да, я сейчас... Сейчас сбегаю... Переоденусь и сбегаю...

И тут же закрыла дверь, словно испугалась, что мать начнет отказываться от чего-нибудь к чаю. Роза Федоровна тронула дочь за плечо:

– Идем на кухню, не будем ей мешать...

Пусть в себя придет, ей время надо... Хоть немного времени...

Сонька кивнула, развернулась, медленно поплелась на кухню вслед за матерью. Села у окна молча. Потом огляделась вокруг себя:

– Где моя сумка, мам? Курить хочу...

– Не знаю... В прихожей, наверное. Где оставила, там и лежит.

Сонька подскочила, быстро пошла в прихожую, красиво размахивая подолом синего платья. Видно, что дорогого. Вон как вокруг ног ловко вьется, как у кинозвезды какой...

В это же самое время и Роза вышла из своей комнаты, одетая для похода в магазин. Черные брюки, строгая белая блузка навыпуск, наглухо застегнутая до самого горла. Увидела мать,

сьежилась, прижала локти к бокам. Неловко улыбаясь, сунула ноги в текстильные тапочки, призванные исполнять роль прогулочных туфель. Впрочем, никаких других у Розы и не было.

Роза Федоровна тоже выскочила в прихожую, выхватила из своей сумки кошелек, сунула Розе:

– Тысячную бумажку разменяй, мелочи не хватит, наверное... И хлеба еще возьми, бородинского! Ну и колбаски какой-нибудь, что ли...

Когда вернулись на кухню, Сонька с жадностью закурила, а через три затяжки вдруг спросила у матери:

– Почему она так одета странно? Вроде как не по возрасту... Ей это ужасно не идет...

– Что значит – не идет? Не понимаю я этого выражения – идет, не идет... Человек идет, и одежда вместе с ним тоже идет, вот и вся недолга!

– Да все ты прекрасно понимаешь, мам... Я уж и забыла, как ты умеешь все по-своему вывернуть, с прибаутками...

– Ну что ж, если без прибауток... Это Маринкины вещи, Сонь. Помнишь свою подружку, нет?

– Маринку? Помню, конечно. И как она живет? Замуж удачно вышла?

– Она не вышла замуж. И не собирается. Она успешную карьеру делает.

– И что, получается?

– Вполне. Квартиру себе хорошую купила, по заграницам ездит, и вообще, очень своей свободной жизнью довольна. И матери помогает, устроила ей обеспеченную старость. И нам с Розочкой тоже перепадает... Вон вещи свои Маринка отдает... Они почти новые, дорогие.

– Мам... Это что, опять камень в мой огород?

– Да какой камень, что ты... Нет у меня для тебя камней. Ты спросила, я ответила, только и всего. Мы дружим с Лизой, Маринкиной матерью, вот она и отдает вещи для Розы...

– А ты вроде с другой теткой дружила, из нашего дома... У нее еще сын Вадик был... Смешной такой, его в школе все ботаном дразнили...

– Почему – был? Он и сейчас есть. И Лидочка тоже есть. Она мне тоже очень помогает.

– Что, тоже вещи старые отдает бедной несчастной сироте?

– Нет. Вещи не отдает. Да и Роза вовсе не сирота, не говори так. Уж тем более ты этого не говори...

– Ну, давай, давай! Скажи еще – ты же мать-кукушка! Скажи, что подкинула тебе ребенка и поминай как звали!

– Я не понимаю, Сонь... Ты ругаться со мной приехала, что ли?

– Да больно надо... Это же ты меня упрекаешь, что моя дочь вещи с чужого плеча носит... Кстати, они ей вовсе не подходят, ну совсем не в ту степь, ну никак! Ты что, сама этого не видишь?

– Может, и не подходят. Со стороны виднее, Сонь. Но я другие вещи Розе купить не могу, моей пенсии едва-едва хватает, чтобы за коммуналку заплатить да еду скромную купить.

– И опять ты меня упрекаешь, мам. Я знаю, что виновата, что не помогала тебе, да... Но чем я могла помочь? Думаешь, у меня так много денег, чтобы помогать? У меня ведь тоже дети... Почему ты о других своих внуках не думаешь, а только и можешь что упрекать?

– Да не упрекаю я...

– Нет, упрекаешь!

– Ну хорошо, если тебе так больше нравится... Хорошо, доченька, я тебя упрекаю. Пусть будет так. Но только что от этого в нашем положении изменится? Ничего ведь не изменится, правда?

– Но ведь я предлагала Розу забрать, когда она в школу пошла! Ты сама ее не отдала, мама!

– Да, не отдала. Потому что Роза ко мне привыкла, а я к ней. Семилетнего ребенка не так-то просто вырвать из привычной обстановки, тем более такого ребенка, как Роза... Да, я не отдала! Но от помощи я тоже не отказывалась, Соня! Конечно, было бы лучше, если бы Роза носила другие вещи, но на какие деньги я их куплю? Неужели ты сама этого не понимала, доченька? Ведь ты ни разу даже не предложила мне никакую помощь, даже самую мало-мальскую...

– Мам, но ты пойми, у меня ведь тоже все не так просто... Я ж не работаю, у Виктора на шее сижу... И повторяю тебе, что у нас у самих двое маленьких детей...

– А Роза – не ваша с Виктором дочь?

– Да наша, наша... Но я ж тебе объясняю – я бы присылала денег, если бы могла! Но я не могу... У меня их просто нет... Вообще нет...

– Почему? Виктор не дает?

– Не дает. Он сам деньгами распоряжается. Ну, может мне на руки дать какую-то мелочь... Да я и не прошу... У него от бывшей жены тоже дети, он им помогает... У нас на этом семейные отношения и держатся, между прочим, что я ничего никогда не прошу... Я самая покладистая и преданная жена, наверное.

– Что, все еще любишь его? Все еще с ума сходишь?

– Что значит – все еще? Да, конечно, люблю! Любила, люблю и буду любить! Ну что делать, если я такая, мам? Ну что мне теперь делать...

Губы у Соньки затряслись, кончик носа покраснел, глаза наполнились влагой. Схватив сигарету, она прикурила нервно, сильно вдохнула в себя дым и даже задержала его внутри себя немного, надеясь таким образом остановить слезы. А когда выдохнула, проговорила вдруг тихо:

– А Розой я скоро сама займусь, правда... Скоро мы часто с ней будем видеться, и я постараюсь наверстать упущенное...

Роза Федоровна напряглась и хотела переспросить у дочери, что она имеет в виду под «часто видеться» и «наверстать упущенное», но не успела. В прихожей хлопнула дверь – Роза из магазина пришла.

Соня завертелась на стуле, ища, где можно затушить сигарету, и Роза Федоровна подставила ей быстренько блюдце, которое уже успела вымыть после предыдущей Сониной сигареты. Терпеть не могла запаха табака. Казалось, даже само блюдце впитало в себя гадкий запах, когда его мыла.

Роза остановилась на пороге кухни, протянула бабушке пакет:

– Вот, я все купила...

– Вот и хорошо, что купила! Сейчас будем чай пить! Садись вот сюда, Розочка, рядом с мамой...

Роза села на краешек стула, смущенно опустила глаза и вся напряглась будто, словно предстоящее семейное чаепитие было для нее сущей пыткой. А может, так оно и было в самом деле, кто знает? Разве оставленный матерью ребенок может разобраться в своих истинных чувствах? Он и сам не понимает до конца – то ли страстно ненавидит, то ли обиженно любит...

Соня протянула руку, зарылась пальцами в пышные кудрявые волосы Розы, завязанные, как обычно, в хвост на затылке. Роза еще более распрямила спину, еще более напряглась, будто ожидая, что мать сейчас дернет ее за хвост изо всей силы. Даже веки на глаза опустила, как большая птица, приготовившаяся к истязанию. Но Соня и не собиралась делать ничего такого... Просто играла волосами дочери, не замечая ее состояния.

– Какая у тебя грива роскошная, надо же... У меня такой отродясь не было... А почему ты так причesyваешься, тебе нравится, что ли?

– Да... Мне нравится... – тусклым пришибленным голосом произнесла Роза, и сердце у Розы Федоровны зашло от жалости. Ну вот чего приехала, спрашивается? Только девчонку мучить... Лучше бы совсем не приезжала...

– Да нет, тебе такой хвост не идет, тебе классная стрижка нужна! Знаешь, как хорошо твои волосы лягут в стрижку? Совсем картину изменят... И одеваться тебе надо по-другому, а не так, как бабушка советует... Вот погоди, я тебя всему научу! Скоро мы с тобой часто будем видаться, очень часто! Такую конфетку из тебя сделаю, сама себя не узнаешь!

Роза Федоровна обернулась от кухонного стола, где резала колбасу на бутерброды, внимательно глянула на дочь. С таким острым недоумением глянула, что Соньке пришлось нехотя объяснить:

– Мы ведь сюда возвращаемся, мам, в этот город... У Виктора на работе неприятности... Вот я поехала квартиру на обмен подыскать... А ты чем-то недовольна, мам? У тебя лицо такое...

– Лицо как лицо. Что тебе мое лицо?

– Да так...

– Переезжаете, значит... Понятно... Может, тогда и с обучением как-то поможете? Роза же поступает в этом году...

– В смысле – поможете? Ты что, Роза, на платное обучение собралась? – обратилась к дочери Сонька, вкладывая в свой вопрос капельку осторожного ужаса – мол, что такое выдумала еще... На платное...

– Нет, нет! Я не хочу на платное! – встрепенулась Роза, умоляюще глянув на Розу Федоровну. – Бабушка, ну зачем ты... Договорились же, что я на бюджетное поступлю... В институт культуры, на библиотечное отделение...

– Ну вот, вопрос и решен! И прекрасно! – торжествуя глядя на мать, проговорила Сонька. – А то бабушка тут погнала пургу... Молодец, Роза, мне нравится твое решение – поступить на бюджетный... Чтобы ни от кого не зависеть... Молодец!

Потом они пили чай, стараясь говорить на общепринятые темы – о погоде, о политике, о дороговизне жизни как таковой. Роза в разговоре не участвовала, лишь изредка взглядывала на мать и тут же опускала глаза, теребила в руках льняную салфетку. Потом Сонька засобиралась – объяснила, что пора на встречу с риелтором. И добавила, глядя куда-то в сторону:

– Ты не бойся, мам, я в гостинице остановилась... Беспокоить больше не буду... А то смотришь на меня так, будто ждешь, когда я уйду. Вот, ухожу...

– Да ладно, доченька, не придумывай про мои взгляды, чего уж... Пришла, и хорошо. И повадилась. Иди с богом, занимайся своими делами.

– Да, я пойду. А только вот еще что я тебе скажу, мам... Вот ты меня в черствости упрекаешь, а сама даже не спросила, как у тебя другие внуки живут... Какие они... Неужели тебе совсем неинтересно, а?

– Отчего ж неинтересно? Очень даже интересно. Надеюсь, покажешь их, когда сюда переедете?

– Не знаю. Может, и покажу. Ладно, пойду я... Пока, Роза! Увидимся! И обязательно в салон ходим, стрижку тебе сделаем, договорились?

Роза улыбнулась, поднимая глаза. В этой улыбке не было ничего, кроме вымученной необходимостью вежливости – так улыбаются уходящему гостю, который порядком извел хозяев своим капризным присутствием. Да и как она могла еще улыбнуться, если так и не разобралась в своих чувствах – то ли и впрямь ненавидит появившуюся в ее жизни мать, то ли все-таки любит...

Когда Сонька ушла, Роза Федоровна неожиданно для себя расплакалась. Видимо, расковыряла Сонька былые, почти зажившие раны, и нахлынуло чувство вины по поводу собствен-

ного неказистого материнства... Сама ж виновата, что Сонька такая выросла! Сама ж упустила, недолюбила, недодала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.